

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-3-40-48

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.14

Дата поступления: 20.04.2023
рецензирования: 21.05.2023
принятия: 25.07.2023

Паратусные доказательства в уголовном судопроизводстве

С. Б. Россинский

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Аннотация: В статье обобщаются результаты научных исследований автора, посвященных собиранию доказательств как одному из этапов уголовно-процессуального доказывания. Обосновывается авторская позиция, предполагающая частичное несогласие с известным доктринальным постулатом о возможности собирания доказательств не иначе как посредством их формирования, то есть путем производства предусмотренных уголовно-процессуальным законом следственных либо иных процессуальных действий. Обращается внимание на невозможность использования механизмов формирования доказательств в отношении представляемых, истребуемых либо изымаемых предметов и документов, подлежащих введению в уголовный процесс как готовых информационных продуктов: вещественных доказательств, иных документов, заключений специалиста, а также результатов оперативно-розыскной и административной деятельности. Предлагается называть подобные доказательства паратусными и признавать их полноценными, обладающими должной юридической силой и пригодными для использования по назначению средствами доказывания путем приобщения к материалам уголовного судопроизводства. Одновременно предлагается дополнить классификацию уголовно-процессуальных доказательств, предусмотрев еще одно основание, предполагающее дифференциацию в зависимости от способа собирания – подразделять доказательства на формируемые и паратусные.

Ключевые слова: вещественные доказательства; доказательства; доказывание; иные документы; представление доказательств; приобщение доказательств к уголовному делу; собирание доказательств; средства доказывания; формирование доказательств.

Благодарность: Автор выражает благодарность и признательность известному специалисту в области русского языка – доценту кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидату филологических наук, доценту Татьяне Петровне Соколовой за консультации по вопросам приемлемости впервые вводимого в оборот уголовно-процессуальной науки термина «паратусный» и корректности его использования применительно к анализируемым средствам доказывания.

Цитирование. Россинский С. Б. Паратусные доказательства в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 3. С. 40–48. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-3-40-48>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Россинский С. Б., 2023

Сергей Борисович Россинский – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии, Институт государства и права Российской академии наук, 119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Знаменка, 10.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 20.04.2023
Revised: 21.05.2023
Accepted: 25.07.2023

Paratus evidences in the criminal proceedings

S. B. Rossinskiy

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Abstract: The article summarizes the results of the author's scientific research on the collection of evidence as one of the stages of criminal procedural proof. The author's position is substantiated, suggesting partial disagreement with the well-known doctrinal postulate on the possibility of collecting evidence only through their formation, that is, through the production of investigative or other procedural actions provided for by the criminal procedure law. Attention is drawn to the impossibility of using mechanisms for generating evidence in relation to affixed, claimed or seized items and documents to be introduced into the criminal process as ready-made information products: material evidence, other documents, expert opinions, as well as the results of operational-search and administrative activities. It is proposed to call such evidence paratus and recognize them as full-fledged, having due legal force and suitable for use as intended means of proof by attaching them to the materials of criminal proceedings. At the same time, it is proposed to supplement the classification of criminal procedural evidence, providing for another reason that implies differentiation depending on the method of collection - to subdivide the evidence into formed and paratus.

Key words: physical evidence; proofs; proving; other documents; presentation of evidence; inclusion of evidence in a criminal case; collecting evidence; means of proof; formation of evidences.

Acknowledgements: The author expresses his gratitude and appreciation to the well-known specialist in the field of the Russian language – associate professor of the Department of Forensic Examinations of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Philological Sciences, associate professor Tatyana Petrovna Sokolova for consultations on the acceptability of the term «paratus» introduced into circulation for the first time in criminal procedure science and the correctness of its use in relation to the analyzed means of proof.

Citation. Rossinskiy S. B. *Paratusnye dokazatel'stva v ugovolnom sudoproizvodstve* [Paratus evidences in the criminal proceedings]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2023, vol. 9, no. 3, pp. 40–48. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-3-40-48> [in Russian].

Information on the conflict of interest: author declares no conflict of interest.

© Rossinskiy S. B., 2023

Sergey B. Rossinskiy – Doctor of Laws, associate professor, chief researcher of the sector of criminal law, criminal procedure and criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 10, Znamenka Street, Moscow, 119019, Russian Federation.

Среди множества разнообразных вопросов, традиционно присущих теории, законодательному регулированию и практике уголовно-процессуального доказывания, особой остротой и предрасположенностью к дискуссиям всегда характеризовались и продолжают характеризоваться вопросы, касающиеся самой сущности доказательств как неких полезных активов (средств доказывания), способствующих установлению имеющих значение для уголовного дела обстоятельств и обоснованию соответствующих правоприменительных решений. Исходя из смысла основанных на кибернетической (информационной) концепции¹ положений действующего законодательства доказательствами, с одной стороны, признаются любые вытекающие из «следов преступления»² и полезные для решения задач уголовного судопроизводства сведения, тогда как с другой – строго определенные и поэтому юридически пригодные для использования информационные продукты, содержащие подобные сведения: различные виды показаний, заключения эксперта и специалиста, вещественные доказательства, результаты (протоколы) невербальных следственных и судебных действий, документы (ст. 74 УПК РФ).

В этой связи в настоящее время повышенную актуальность и большой научный интерес представляют проблемы собирания доказательств как

«первого»³ этапа всего сложного процесса процессуального доказывания, сугубо формально имеющего трехзвенную структуру: собирание → проверка → оценка доказательств (ст. 85 УПК РФ), а фактически предполагающего и другие необходимые элементы [4, с. 40–49]. Ведь именно возникшая в 1960–1970-е гг. на пике всеобщего научного увлечения закономерностями получения, хранения, преобразования и передачи данных, то есть обусловленная возросшим интересом ученых-процессуалистов к информационным аспектам познания вышеупомянутая кибернетическая концепция и повлияла на усиление роли когнитивного компонента доказывания, стала серьезным импульсом для развития процессуальных механизмов собирания доказательств, побудила к целому ряду доктринальных изысканий, посвященных различным приемам накопления полезных для уголовного дела сведений. В частности, именно внедрение кибернетических идей в уголовно-процессуальную материю предопределило цикл известных научных исследований С. А. Шейфера, в результате которых возникла знаменитая «шейферовская» теория следственных действий как универсальных и фактически безальтернативных способов собирания доказательств, впоследствии поддержанная многими учеными-процессуалистами.

Причем одним из базовых положений «шейферовской» теории стал постулат о возможности собирания доказательств не иначе как посредством так называемого формирования, как бы «одевания» получаемых сведений в процессуальную форму, приводящего к получению нового информационного продукта, например, свидетельских показаний, экспертного заключения, протокола следственного осмотра и т. д. [5, с. 15–16; 6, с. 12–14; 7, с. 33–34]. Иными словами, под собиранием доказательств ученые начали понимать исключительно их формирование, то есть отождествлять «первый» этап уголовно-процессуального доказывания

¹ Кибернетической (информационной) концепцией доказательств принято считать возникшую на рубеже 1960–1970-х гг. и впоследствии ставшую методологической основой для современного доказательственного права систему научных взглядов, сводящихся к пониманию доказательств как полученных в установленном порядке полезных сведений (в некоторых более ранних публикациях – фактических данных), поступающих в распоряжение дознавателя, следователя, суда в виде подлежащих перцепции информационных сигналов и способствующих установлению имеющих значение для уголовного дела обстоятельств [1, с. 240–254; 2, с. 61–62 и др.].

² Под «следами преступления» в настоящей статье, равно как и в других публикациях автора понимаются любые относимые следы-отображения (следы в широком смысле), то есть материальные или идеальные объекты ретроспективного познания, возникающие либо изменяющиеся под воздействием различных фрагментов объективной реальности, имеющих прямое и косвенное отношение к предмету доказывания.

³ Процессуальное первенство собирания доказательств по отношению к другим предусмотренным законом этапам доказывания: проверке и оценке доказательств – достаточно условно. В этой связи используемый в настоящей статье по отношению к собиранию доказательств порядковый эпитет «первый» преднамеренно берется в кавычки [3, с. 85].

с выполнением дознавателем, следователем, судом предусмотренных УПК РФ познавательного-установительных приемов – тех самых следственных действий, – позволяющих преобразовать накапливаемые сведения в один из видов доказательств, обремененных должными гарантиями юридической доброкачественности и поэтому пригодных для использования при установлении входящих в предмет доказывания обстоятельств и обоснования правоприменительных решений [8, с. 10; 9, с. 91; 10, с. 11 и др.]. Кстати, В. А. Семенцов даже предложил изменить наименование ст. 86 УПК РФ и назвать ее «Формирование доказательств» [11, с. 239].

В основу всех подобных воззрений положены хорошо известные тезисы С. А. Шейфера, полностью отрицавшего существование в объективной реальности каких-либо готовых доказательств (показаний, заключений, протоколов и т. д.) [5, с. 7]. Ученый писал о недопустимости уподобления процессуальной деятельности субъектов доказывания собиранию грибов или других даров природы, в связи с чем утверждал о возможности обнаружения и восприятия дознавателем, следователем, прокурором, судом лишь полезной информации с последующим приданием ей надлежащей процессуальной формы в ходе предусмотренных законом познавательного-установительных приемов и посредством осуществления соответствующих государственно-властных полномочий [6, с. 7–8]. Кроме того, автор акцентировал внимание на неприемлемости отождествления категории «формирование доказательств» исключительно с фиксацией полученных сведений – понимал под ним (формированием) весь процесс преобразования воспринимаемой информации в один из предусмотренных законом информационных продуктов, предполагающий как познавательные, так и удостоверительные компоненты [7, с. 33–34].

Будучи лично хорошо знаком с покойным профессором С. А. Шейфером, считая его одним из своих Учителей и наставников, признавая заслуженный авторитет ученого и находясь под влиянием его научных идей в области теории и практики уголовно-процессуального доказывания, автор настоящей статьи ранее тоже считал формирование доказательств единственно возможным способом осуществления «первого» этапа доказывания, не допускал иных, альтернативных возможностей накопления доказательственного материала [12, с. 86]. Вместе с тем результаты дальнейших научных изысканий вынудили несколько по-другому взглянуть на указанные проблемы и частично пересмотреть прежние убеждения – привели к уразумению некоторых изъянов «шейферовской» теории и осознанию гораздо большей разумности иного доктринального подхода, предполагающего неоднородность способов собирания разных доказательств, в том числе различную природу действий и решений органов предварительного расследования или суда, направленных на процессуальную легализацию (на введение в процесс) накапливаемых сведений.

Позиции С. А. Шейфера и солидарных с ним ученых о формировании доказательств – о воз-

никновении новых и информационных продуктов посредством производства следственных и иных процессуальных действий познавательного-установительного характера, то есть путем доведения воспринимаемых сведений до надлежащих юридических «кондиций», по-прежнему видятся совершенно верными и справедливыми. Однако при этом они перестали представляться всеобъемлющими, универсальными, предопределяющими порядок получения органами предварительного расследования и судом всех без исключения доказательственных активов.

На самом деле положения «шейферовской» теории приемлемы лишь в части собирания (читай: формирования) различных видов показаний, заключений эксперта и результатов невербальных следственных и судебных действий (протоколов следственных действий и судебного заседания) – информационных продуктов, как бы порождаемых самими дознавателями, следователями, судами, либо по их заданию судебными экспертами, то есть возникающих в итоге собственной познавательного-установительной деятельности указанных субъектов, осуществляемой в обремененном юридическими гарантиями доброкачественности процессуальном режиме. Кстати, выводы С. А. Шейфера основаны на рассмотрении именно этих видов доказательств [7, с. 33].

Вместе с тем предусмотренный законом перечень средств доказывания предполагает гораздо более разнообразный «контент» – одними лишь показаниями, экспертными заключениями и протоколами он не исчерпывается. В соответствии с ч. 2 ст. 74 УПК РФ уголовно-процессуальными доказательствами также признаются вещественные доказательства, «иные» документы⁴, заключения специалиста. Кроме того, реалии современной правоприменительной практики вынуждают прибегать к использованию в доказывании и некоторых других полезных активов – результатов оперативно-розыскной и административной деятельности органов исполнительной власти. Все эти средства доказывания фактически оставлены за скобками «шейферовской» теории – в части работы с любыми подобными предметами или документами такие доктринальные позиции оказались неприемлемыми и практически невыполнимыми.

К слову, в своих доводах о неприменимости взглядов С. А. Шейфера и его последователей ко всем без исключения средствам доказывания автор настоящей статьи не одинок, а имеет серьезных единомышленников. В частности, аналогичные тезисы неоднократно высказывались одним из самых авторитетных современных специалистов в сфере уголовно-процессуального доказывания – профессором В. А. Ла-

⁴ «Иные» документы – это строго определенный вид доказательств (ст. 84 УПК РФ). В этой связи во избежание смысловой путаницы и разграничения легкомысленно применяемого законодателем прилагательного «иные» с близкими по значению прилагательными («другие», «остальные» и т. д.) оно преднамеренно берется в кавычки.

заревой [13, с. 58–67; 14, с. 56–61; 15, с. 78–87]. И хотя для обоснования предлагаемой позиции она использует совершенно иные и, по всей вероятности, не вполне справедливые аргументы – объясняет потребность частичного пересмотра «шейферовской» теории общим ослаблением роли следственных действий, обусловленным расширением диспозитивных возможностей невластных участников уголовного судопроизводства, позволяющих самостоятельно собирать и представлять доказательства [16, с. 68–69], – само отрицание универсальности механизмов формирования и одновременное признание других способов собирания доказательств представляется совершенно правильным и заслуживает безусловной поддержки. Схожие по смыслу суждения в части результатов непроцессуальной деятельности как автономных средств доказывания неоднократно высказывались еще одним известным ученым-процессуалистом – профессором М. П. Поляковым [17, с. 220]; эти же взгляды свойственны и некоторым другим современным авторам.

И вещественные доказательства, и «иные» документы, и заключения специалиста, и результаты оперативно-розыскной или административной деятельности возникают вне уголовно-процессуальных правоотношений, то есть в свободном от процессуальной формы режиме, а некоторые – вообще без какого-либо режима. Иными словами, они обязаны своим появлением на свет не столько процессуальным действиям дознавателя, следователя, суда, сколько непроцессуальной деятельности других лиц, а то и вовсе не зависящим от людей объективным закономерностям следообразования. Кстати, в части «иных» документов на этот нюанс указывали еще авторы известного двухтомника «Теория доказательств в советском уголовном процессе» [18, с. 313]; позднее В. А. Камышин назвал такие документы «свободными» доказательствами [19, с. 6].

В этой связи следует вновь не согласиться с мнением уважаемого С. А. Шейфера. Автор, конечно, обращал внимание на особый характер вещественных доказательств и «иных» документов, однако продолжал настаивать на их непреложном формировании, на получении не иначе как посредством процессуальной формы, которую необоснованно сводил к их визуальному обследованию (осмотру), отражению выявленных признаков в протоколе и вынесению специального правоприменительного акта о признании предмета или документа средством доказывания. Другими словами, он допускал весьма распространенную и детерминированную некоторой неопределенностью законодательного регулирования оплошность – просто не видел разницы между осмотром как полноценным, безусловным, предполагающим процессуальную форму следственным либо судебным действием (ст. 176–178, 284, 287 УПК РФ) и осмотром как обычным, явно не нуждающимся в формализации методом визуального исследования материальных фрагментов объективной реальности [20, с. 26–30; 21, с. 194].

Для большей убедительности сказанного разумно напомнить, что сущность процессуальной формы, равно как и смысл производного от нее термина «формирование» ни в коем случае нельзя ставить в зависимость от простого упоминания в УПК РФ того или иного объекта правового регулирования, в частности носителя полезных для уголовного дела сведений (вещественного доказательства, «иного» документа и т. д.) – увы, к сожалению, именно такие ошибки и присущи многим научным публикациям. Уголовно-процессуальной формой надлежит признавать лишь установленный законом и обремененный комплексом правовых гарантий доброкачественности предполагаемых результатов порядок (совокупность правил) определенной юридической процедуры, осуществляемой в целях получения какого-либо нового (!) и юридически значимого для уголовного дела результата, например, следственного действия, позволяющего получить (читай: сформировать) новый информационный продукт [22, с. 51; 23, с. 102–103; 24, с. 16; 25, с. 75] – в противном случае ее существование было бы размыто и потеряло бы всякий смысл. Тогда как для изготовления вещественных доказательств, подготовки и оформления «иных» документов, заключений специалиста, получения результатов оперативно-розыскной или административной деятельности органов исполнительной власти такой порядок уголовно-процессуальным законом не предусматривается и в силу понятных причин предусматриваться не должен.

Странно было бы встретить в УПК РФ, например, правила оформления каких-либо исходящих от «третьих» лиц справок, выписок, характеристик, документов бухгалтерской отчетности либо нормы, определяющие порядок проведения проверочной закупки или оперативного эксперимента. Еще более удивительно было бы обнаружить положения, устанавливающие технологию изготовления дознавателем, следователем, судьей некоего предполагаемого к признанию вещественным доказательством предмета – не визуального обследования уже готового предмета, а именно его изготовления (говоря образно, вытачивания на токарном станке). И совсем нереальными представляются некие «процессуальные» манипуляции, позволяющие отправиться на машине времени в прошлое для «формирования» уже существующих предметов или документов либо при помощи некоего волшебного инструмента как бы задним числом облачить их в «процессуальную одежду» подобно фее из известной сказки Шарля Перро, превратившей Золушку в принцессу, тыкву – в карету, а крысу – в кучера⁵.

⁵ К слову, именно таковыми представляются взгляды ученых, ратующих за формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. В этой связи автор настоящей статьи неоднократно расценивал все подобные позиции как самообман, как очередные красивые, но при этом абсолютно нежизнеспособные научные фантазии, не имеющие ничего общего с реальными возможностями по накоплению и обработке полезных для уголовного дела сведений, а лишь побуждающие к маскировке оперативно-розыскной информации наиболее удобным видом доказательств [26, с. 65].

Все подобные предметы или документы поступают, по крайней мере, должны поступать к дознавателю, следователю или в суд не в ходе производства следственных или иных процессуальных действий, а посредством более примитивных, не обремененных излишней формализацией способов накопления доказательственного материала: представления и истребования. После этого они попросту вводятся в уголовный процесс путем приобщения к уголовному делу либо не вводятся (не приобщаются) – в случае осознания невозможности или понимания бессмысленности их дальнейшего использования в качестве средств доказывания.

Конечно, в правоприменительной практике достаточно часто возникают и другие ситуации, предполагающие изъятие предметов и документов прямо в ходе осмотра, обыска, проверки показаний на месте и тому подобных следственных или даже судебных действий, сводящихся к наглядно-образной перцепции субъектом доказывания неких материальных фрагментов объективной реальности. Однако, как уже отмечалось в публикациях автора настоящей статьи, такие процессуальные экспроприации имеют сугубо второстепенный, факультативный характер, а предусмотренные законом полномочия по принудительному изыманию потенциальных вещественных доказательств и «иных» документов никоим образом не детерминированы основным предназначением невербальных познавательно-удостоверительных приемов – выявлением фактов самого нахождения неких материальных объектов в определенных местах, установления их внешних (физических) признаков, свойств, состояния и взаиморасположения. Одновременно говорилось, что предоставленные законодателем возможности изъятия предметов и документов прямо в ходе следственных действий предопределены не более чем вполне разумной оптимизацией процессуальной формы – объединением в общую процедуру двух связанных и взаимообусловленных операций: познавательно-удостоверительного приема и действий по принудительному отчуждению обнаруженного объекта для предполагаемого использования в качестве самостоятельного средства доказывания [3, с. 89]. И наконец, обращалось внимание на необходимость разграничения самих предметов и документов, в первую очередь потенциальных вещественных доказательств, и обстоятельств их обнаружения с четким пониманием индивидуальной роли каждого из них в общем механизме уголовно-процессуального познания и обоснования правоприменительных решений [21, с. 186–192].

Ни вещественные доказательства, ни «иные» документы, ни заключения специалиста, ни результаты оперативно-розыскной или административной деятельности никакому процессуальному формированию не подлежат и подлежать не могут, а лишь предрасположены к введению в уголовный процесс в качестве готовых информационных продуктов – не как когнитивное «сырье» либо «полуфабрикаты», а как пригодные к использованию «изделия».

Такие доказательства надлежит называть паратусными (от лат. paratus – готовый, находящийся в готовности) и рассматривать в качестве особой, предполагающей определенную специфику группы средств уголовно-процессуального доказывания. Если они и «формируются», то строго за рамками уголовного судопроизводства, вне установленного УПК РФ правового режима и без соответствующих процессуальных гарантий. Поэтому паратусные доказательства уместнее рассматривать не как результаты формирования, а как информационные активы, возникшие до процесса либо вне процесса, а затем помещенные в некую «процессуальную упаковку», то есть как объекты юридической легализации, осуществляемой посредством их формального приобщения к уголовному делу и официального признания допустимыми для последующего использования средствами доказывания [26].

Ранее в публикациях автора настоящей статьи уже обращалось внимание, что ввиду направленности на процессуальную легализацию (на введение в процесс) представленных, истребованных либо изъятых предметов или документов для дальнейшего использования в качестве допустимых доказательств механизмы их приобщения к уголовному делу нельзя расценивать как сугубо технические либо технологические приемы, сводящиеся к банальному подшиванию к другим материалам производства, помещению в служебный сейф, специальную камеру хранения вещественных доказательств и т. д. [27, с. 91]. Отмечалось, что приобщением доказательства надлежит признавать более простой, свободный по сравнению с механизмами формирования, не предполагающий столь жесткой формализации, но при этом не менее важный правовой способ реализации дискреционных полномочий органов предварительного расследования и суда, состоящий в юридической легализации возникающего вне процесса информационного продукта и сводящийся: 1) к поступлению некоего предмета или документа к дознавателю, следователю или в суд; 2) к его исследованию, проверке и оценке на предмет пригодности к использованию по назначению; 3) к изданию специального государственно-властного акта об его официальном признании полноценным средством доказывания, наделения должной юридической силой и включения в общую доказательственную массу [28, с. 44].

В этой связи представляется, что именно такие механизмы и должны обуславливать юридическое превращение попавших «на стол» к правоприменителю готовых информационных продуктов в паратусные доказательства, то есть их введение в надлежащее процессуальное состояние – в статус вещественных доказательств, «иных» документов, заключений специалиста, результатов оперативно-розыскной либо административной деятельности – и помещение в один ряд с показаниями, заключениями эксперта и результатами невербальных следственных и судебных действий

(с протоколами следственных действий и судебного заседания). А без формального приобщения к уголовному делу подобные объекты не могут расцениваться как полноценные средства доказывания, поэтому должны «довольствоваться» достаточно неясным положением представленных, истребованных либо изъятых предметов и документов, не имеющих определенного правового статуса. К слову, в настоящее время подобные механизмы установлены лишь для юридической легализации вещественных доказательств (ч. 2 ст. 81 УПК РФ) и документов, представляемых в судебное заседание (ст. 286 УПК РФ), тогда как в части иных паратусных доказательств каких-либо четких правил приобщения к уголовному делу, к сожалению, не существует – указанные материалы фактически вводятся в сферу уголовно-процессуальных правоотношений и признаются полноценными средствами доказывания посредством подшивания к делу, то есть путем умелого использования иголки с ниткой [27, с. 90].

На основании всего изложенного, *паратусными доказательствами надлежит считать возникающие вне уголовно-процессуальных правоотношений, но при этом предрасположенные к использованию для установления имеющих значение для уголовного дела обстоятельств и обоснования правоприменительных решений готовые информационные продукты – различные предметы или документы, которые, будучи истребованными либо изъятыми дознавателем, следователем, судом, а также представленными иными лицами, признаются полноценными, обладающими должной юридической силой средствами доказывания путем их приобщения к материалам уголовного судопроизводства.*

В настоящее время паратусными доказательствами следует признавать: вещественные доказательства, «иные» документы, заключения специали-

ста⁶, а также не имеющие надлежащей процессуальной основы, но активно используемые в правоприменительной практике результаты оперативно-розыскной и административной деятельности органов исполнительной власти.

Кроме того, целесообразно дополнить существующую в уголовно-процессуальной доктрине классификацию доказательств. Наряду с «традиционным», известным каждому студенту разграничением доказательств на обвинительные и оправдательные, первоначальные и производные, прямые и косвенные разумно предусмотреть еще одно классификационное основание, предполагающее дифференциацию в зависимости от способа собирания. По этому основанию доказательства также надлежит разделять на группы:

1) формируемые, то есть возникающие посредством процессуальной формы, в ходе производства следственных, судебных либо иных процессуальных действий: показания, заключения эксперта, результаты (протоколы) невербальных следственных и судебных действий;

2) паратусные, то есть возникающие вне уголовного процесса и приобщаемые к уголовному делу в качестве готовых информационных продуктов: вещественные доказательства, «иные» документы, заключения специалиста, результаты оперативно-розыскной и административной деятельности.

⁶ В этой связи необходимо обратить внимание, что автор настоящей статьи вопреки легальной позиции законодателя не считает заключение специалиста типичным уголовно-процессуальным доказательством, подлежащим помещению в один ряд с показаниями, заключениями эксперта, вещественными доказательствами и т. д. В публикациях автора обосновывается тезис об особом, справочно-вспомогательном характере этого средства доказывания. Вместе с тем, подобные дискуссии не имеют прямого отношения к предмету настоящей статьи и вряд ли способны изменить отношение к заключению специалиста как к возникающему вне уголовно-процессуальных отношений готовому информационному продукту.

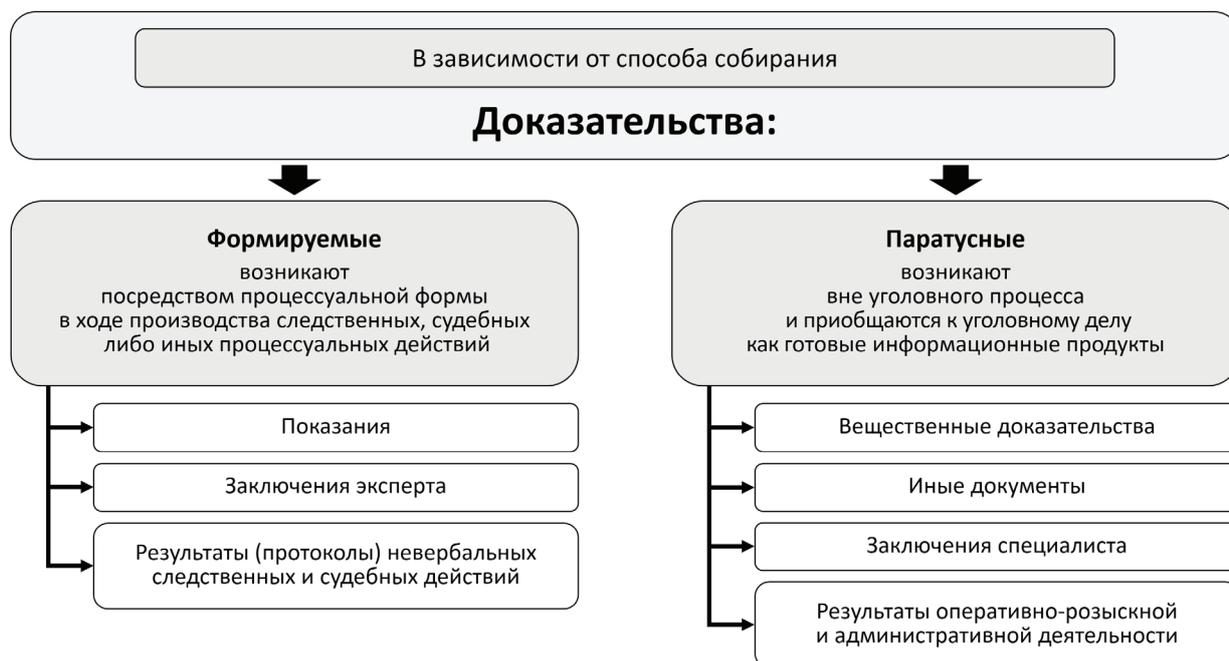

Рисунок – Виды доказательств

Библиографический список

1. Теория доказательств в советском уголовном процессе[^] в 2 т. / отв. ред. Н. В. Жогин. Т. 1. Москва: Юрид. лит., 1966. 584 с. URL: https://archive.org/details/1973_20220110.
2. Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. Москва: Юристъ, 2009. 174 с.
3. Россинский С. Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. Москва: Норма, 2021. 408 с. URL: <https://znanium.com/catalog/document?id=379610>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45810885>. EDN: <https://www.elibrary.ru/stdtdtg>.
4. Россинский С. Б. О структуре уголовно-процессуального доказывания // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 5. С. 39–50. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29221664>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yplxdn>.
5. Шейфер С. А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. Москва: ВЮЗИ, 1972. 130 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47373121>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jupkkw>.
6. Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. Москва: Юрлитинформ, 2001. 208 с. URL: https://www.studmed.ru/view/sheyfer-sa-sledstvennye-deystviya-sistema-i-processualnaya-forma_87b4df0811c.html.
7. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. Москва: Норма, 2008. 240 с. URL: <https://studfile.net/preview/6855323/>.
8. Михеенко М. М. Доказывание в советском уголовном процессе. Киев: Вища школа, 1984. 133 с.
9. Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальное доказывание: учеб. пособие. Ижевск: Удмуртский госуниверситет, 1993. 178 с. URL: <https://eanbur.unatlib.ru/handle/123456789/5499>.
10. Доля Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. Москва: Проспект, 2009. 373 с. URL: <https://ordrf.ru/wp-content/uploads/2018/02/Монография-ДОЛЯ-об-использовании-результатов-ОРД.pdf>.
11. Семенцов В. А. Формирование доказательств в структуре уголовно-процессуального доказывания // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. науч. трудов / под ред. В. А. Лазаревой. Самара: Самарский госуниверситет, 2010. С. 236–242. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29061518>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ylyuex>.
12. Россинский С. Б. Сущность результатов невербальных следственных и судебных действий как доказательств по уголовному делу // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 9. С. 85–91. URL: <https://www.iuaj.net/node/1357>.
13. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: учебник для бакалавриата и магистратуры. 5-е изд., перер. и доп. Москва: Юрайт, 2014. 359 с. URL: <https://ura.it.ru/book/dokazyvanie-v-ugolovnom-processе-378763>.
14. Лазарева В. А. Доказательство как категория уголовно-процессуального права: новые (старые) подходы // Legal Concept (Правовая парадигма). 2019. Т. 18, № 2. С. 55–62. DOI: <http://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.2.8>
15. Лазарева В. А. Собираение или формирование? Продолжаем дискуссию // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 1. С. 78–87. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sobiranie-ili-formirovanie-prodolzhaem-diskussiyu>.
16. Россинский С. Б. Позицию профессора В. А. Лазаревой о собирании доказательств в целом можно поддержать, но... // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7, № 3. С. 66–72. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-66-72>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zmnept>.
17. Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности. Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001. 260 с. URL: <https://ordrf.ru/wp-content/uploads/2017/10/Уголовно-процессуальная-интерпретация-результатов-ОРД.pdf>.
18. Теория доказательств в советском уголовном процессе. В 2-х томах / отв. ред. Н. В. Жогин. Т. 2. Москва: Юрид. лит., 1967. 415 с. URL: https://archive.org/details/1973_20220110.
19. Камышин В. А. Иные документы как «свободное» доказательство в уголовном процессе: автореф. дис... канд. юрид. наук. Ижевск: Удмуртский госуниверситет, 1998. 22 с. URL: <https://eanbur.unatlib.ru/handle/123456789/4331>.
20. Антонов В. А., Россинский С. Б. Следственный осмотр – лишнее звено в механизме приобщения вещественных доказательств к материалам уголовного дела // Юридическое образование и наука. 2018. № 4. С. 25–32. URL: DOI: <https://doi.org/10.18572/1813-1190-2018-4-25-32>. EDN: <https://elibrary.ru/xpmcrv>.
21. Россинский С. Б. Размышления о сущности вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве // Труды Института государства и права РАН. 2022. Т. 17, № 2. С. 176–197. DOI: <http://doi.org/10.35427/2073-4522-2022-17-2-rossinskiy>.
22. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. Москва: Наука, 1968. 470 с. URL: http://kalinovsky-k.narod.ru/b/strogovich/Strogovich_1.pdf.
23. Шпилев В. Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства. Минск: БГУ имени В. И. Ленина, 1974. 143 с.
24. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / под ред. В. М. Савицкого. Москва: Наука, 1979. 319 с.
25. Россинский С. Б. Уголовно-процессуальная форма: сущность, проблемы, тенденции и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 9. С. 67–79. DOI: <http://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.118.9.067-079>.
26. Выговтов А. Е., Россинский С. Б. Надлежащее понимание результатов оперативно-розыскной деятельности – ключ к решению проблемы их использования в доказывании по уголовным делам // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75, № 1 (182). С. 60–73. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.182.1.060-073>. EDN: <https://elibrary.ru/eskmst>.

27. Россинский С. Б. Приобщение доказательств к уголовному делу как форма реализации государственно-властных полномочий органов предварительного расследования и суда // Государство и право. 2022. № 9. С. 84–93. DOI: <http://doi.org/10.31857/S102694520022225-8>. EDN: <https://elibrary.ru/mkmaqsh>.

28. Россинский С. Б. О порядке приобщения доказательств к уголовному делу // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 6. С. 40–46. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49206119>. EDN: <https://elibrary.ru/cvepkv>.

References

1. *Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugovolnom protsesse. V 2-kh tomakh / otv. red. N. V. Zhogin. T. 1* [Zhogin N.V. (Ed.) Theory of evidence in Soviet criminal process: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow: Yurid. lit., 1966, 584 p. Available at: https://archive.org/details/1973_20220110 [in Russian].

2. Orlov Yu. K. *Problemy teorii dokazatel'stv v ugovolnom protsesse* [Problems of the theory of evidence in criminal proceedings]. Moscow: Yurist", 2009, 174 p. [in Russian].

3. Rossinskiy S. B. *Dosudebnoe proizvodstvo po ugovolnomu delu: sushchnost' i sposoby sobiraniya dokazatel'stv* [Pre-trial proceedings in a criminal case: the essence and methods of collecting evidence]. Moscow: Norma, 2021, 408 p. Available at: <https://znanium.com/catalog/document?id=379610>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45810885>. EDN: <https://www.elibrary.ru/stdtdtg> [in Russian].

4. Rossinskiy S. B. *O strukture ugovolno-protsessual'nogo dokazyvaniya* [About the structure working with forensic evidence in the criminal procedure]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2017, no. 5, pp. 39–50. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29221664>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yplxdn> [in Russian].

5. Sheifer S. A. *Sushchnost' i sposoby sobiraniya dokazatel'stv v sovetskom ugovolnom protsesse* [Essence and methods of collecting evidence in the Soviet criminal process]. Moscow: VYuZI, 1972, 130 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47373121>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jupkkw> [in Russian].

6. Sheifer S. A. *Sledstvennye deystviya. Sistema i protsessual'naya forma* [Investigative actions. System and procedural form]. Moscow: Yurlitinform, 2001, 208 p. Available at: https://www.studmed.ru/view/sheyfer-sa-sledstvennye-deystviya-sistema-i-processualnaya-forma_87b4df081c.html [in Russian].

7. Sheifer S. A. *Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugovolnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya* [Evidence and proof in criminal cases: problems of theory and legal regulation]. Moscow: Norma, 2008, 240 p. Available at: <https://studfile.net/preview/6855323/> [in Russian].

8. Mikheenko M. M. *Dokazyvanie v sovetskom ugovolnom protsesse* [Evidence in the Soviet criminal process]. Kyiv: Vishcha shkola, 1984, 133 p. [in Russian].

9. Zinatullin Z. Z. *Ugovolno-protsessual'noe dokazyvanie: ucheb. posobie* [Criminal procedural proof: textbook]. Izhevsk: Udmurtskii gosuniversitet, 1993, 178 p. Available at: <https://eanbur.unatlib.ru/handle/123456789/5499> [in Russian].

10. Dolya E. A. *Formirovanie dokazatel'stv na osnove rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatel'nosti* [Formation of evidence based on the results of operational-search activities]. Moscow: Prospekt, 2009, 373 p. Available at: <https://ordrf.ru/wp-content/uploads/2018/02/Монография-ДОЛЯ-об-использовании-результатов-ОРД.pdf>. [in Russian]

11. Sementsov V. A. *Formirovanie dokazatel'stv v strukture ugovolno-protsessual'nogo dokazyvaniya* [Formation of evidence in the structure of criminal procedure proving]. In: *Aktual'nye problemy sovremennoy ugovolnoy protsessy Rossii: mezhev. sb. nauch. trudov. Pod red. V. A. Lazarevoi* [Lazareva V. A. (Ed.) Topical issues of modern criminal process in Russia: interuniversity collection of scientific works]. Samara: Samarskii gosuniversitet, 2010, pp. 236–242. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29061518>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ylyuex> [in Russian].

12. Rossinskiy S. B. *Sushchnost' rezul'tatov neverbal'nykh sledstvennykh i sudebnykh deystvii kak dokazatel'stv po ugovolnomu delu* [Essence of the results of non-verbal investigative and judicial actions as evidences in a criminal case]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2013, no. 9, pp. 85–91. Available at: <https://www.iuaj.net/node/1357> [in Russian].

13. Lazareva V. A. *Dokazyvanie v ugovolnom protsesse: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury. 5-e izd., perer. i dop.* [Evidence in criminal procedure: textbook for bachelor's and master's degrees. 5th edition, revised and enlarged]. Moscow: Yurait, 2014, 359 p. Available at: <https://urait.ru/book/dokazyvanie-v-ugovolnom-processe-378763> [in Russian].

14. Lazareva V. A. *Dokazatel'stvo kak kategoriya ugovolno-protsessual'nogo prava: novye (starye) podkhody* [Evidence as a category of criminal procedure law: new (old) approaches]. *Legal Concept*, 2019, vol. 18, no. 2, pp. 55–62. DOI: <http://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.2.8> [in Russian].

15. Lazareva V. A. *Sobiranie ili formirovanie? Prodolzhaem diskussiyu* [Collecting or forming? We continue the discussion]. *Sudebnaya vlast' i ugovolnyi protsess* [Judicial authority and criminal process], 2021, no. 1, pp. 78–87. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sobiranie-ili-formirovanie-prodolzhaem-diskussiyu> [in Russian].

16. Rossinskiy S. B. *Pozitsiyu professora V. A. Lazarevoi o sobiranii dokazatel'stv v tselom mozhnopodderzhat', no...* [The position of professor V.A. Lazareva on the collection of evidence in general can be supported, but ...]. *Iuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2021, vol. 7, no. 3, pp. 66–72. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2021-7-3-66-72>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zmnept> [in Russian].

17. Polyakov M. P. *Ugovolno-protsessual'naya interpretatsiya rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatel'nosti* [Criminal procedural interpretation of the results of operational-search activities]. Nizhny Novgorod: Nizhegorodskaya pravovaya akademiya, 2001, 260 p. Available at: <https://ordrf.ru/wp-content/uploads/2017/10/Уголовно-процессуальная-интерпретация-результатов-ОРД.pdf> [in Russian].

18. *Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugovolnom protsesse: v 2 t. Otv. red. N. V. Zhogin. T. 2* [Zhogin N. V. (Ed.) Theory of evidence in Soviet criminal process: in 2 vols. Vol. 2]. Moscow: Yurid. lit., 1967, 415 p. Available at: https://archive.org/details/1973_20220110. [in Russian].

19. Kamyshin V. A. *Inye dokumenty kak «svobodnoe» dokazatel'stvo v ugovolnom protsesse: avtoref. dis... kand. jurid. nauk* [Other documents as «free» evidence in criminal proceedings: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Izhevsk: Udmurtskii gosuniversitet, 1998, 22 p. Available at: <https://eanbur.unatlib.ru/handle/123456789/4331> [in Russian].
20. Antonov V. A., Rossinsky S. B. *Sledstvennyi osmotr – lishnee zveno v mekhanizme priobshcheniya veshchestvennykh dokazatel'stv k materialam ugovolnogo dela* [An investigatory examination as an excess link in the mechanism of material evidence inclusion in criminal case files]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka* [Juridical Education and Science], 2018, no. 4, pp. 25–32. DOI: <https://doi.org/10.18572/1813-1190-2018-4-25-32>. EDN: <https://elibrary.ru/xpmcqv> [in Russian].
21. Rossinskiy S. B. *Razmyshleniya o sushchnosti veshchestvennykh dokazatel'stv v ugovolnom sudoproizvodstve* [Reflections on the essence of physical evidence in criminal proceedings]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS], 2022, vol. 17, no. 2, pp. 176–197. DOI: <http://doi.org/10.35427/2073-4522-2022-17-2-rossinskiy> [in Russian].
22. Strogovich M. S. *Kurs sovetskogo ugovolnogo protsessa. T. 1* [Course of Soviet criminal process. Vol. 1]. Moscow: Nauka, 1968, 470 p. Available at: http://kalinovsky-k.narod.ru/b/strogovich/Strogovich_1.pdf [in Russian].
23. Shpilev V. N. *Soderzhanie i formy ugovolnogo sudoproizvodstva* [Content and forms of criminal proceedings]. Minsk: BGU imeni V.I. Lenina, 1974, 143 p. [in Russian].
24. *Sovetskii ugovolno-protsessual'nyi zakon i problemy ego effektivnosti. Pod red. V.M. Savitskogo* [Savitsky V. M. (Ed.) Soviet criminal procedure law and problems of its effectiveness]. Moscow: Nauka, 1979, 319 p. [in Russian].
25. Rossinskiy S. B. *Ugovolno-protsessual'naya forma: sushchnost', problemy, tendentsii i perspektivy razvitiya* [Criminal-Procedural Form: Essence, Problems, Trends and Prospects of Development]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2020, vol. 15, no. 9, pp. 67–79. DOI: <http://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.118.9.067-079> [in Russian].
26. Rossinskiy S. B., Rossinskiy S. B. *Nadlezhashchee ponimanie rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatel'nosti – klyuch k resheniyu problemy ikh ispol'zovaniya v dokazyvanii po ugovolnym delam* [Proper Understanding of the Results of Operational-Search Activities as the Key to Solving the Problem of their Use in Proving in Criminal Cases]. *Lex Russica*, 2022, vol. 75, no. 1 (182), pp. 60–73. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2022.182.1.060-073>. EDN: <https://elibrary.ru/eskmst> [in Russian].
27. Rossinskiy S. B. *Priobshchenie dokazatel'stv k ugovolnomu delu kak forma realizatsii gosudarstvenno-vlastnykh polnomochii organov predvaritel'nogo rassledovaniya i suda* [Inclusion of evidence in a criminal case as a form of implementation of the state-governmental powers of the preliminary investigation and court bodies]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2022, no. 9, pp. 84–93. DOI: <http://doi.org/10.31857/S102694520022225-8>. EDN: <https://elibrary.ru/mkmqsh> [in Russian].
28. Rossinskiy S. B. *O poryadke priobshcheniya dokazatel'stv k ugovolnomu delu* [About the procedure of inclusion of evidence in a criminal case]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2022, no. 6, pp. 40–46. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49206119>. EDN: <https://elibrary.ru/cvepkv> [in Russian].